

DOI: 10.22363/2312-8313-2022-9-3-274-282

Научная статья / Research article

Электронная демократия как идеологическая база цифровизации государственного управления: противоречия

Е.А. Солина

Российский университет дружбы народов,
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, 6
 1032216177@rudn.ru

Аннотация. Электронная форма демократии несет в себе потенциал к разрешению кризиса систем современного демократического устройства, однако в последнее время ее концепция вызывает все больше критики. В связи с этим у исследователей возникает интерес к выявлению причин подобной тенденции. Автор высказывает предположение, что суть проблемы э-демократии — в ее внутренних противоречиях: а) соприкосновении концепции с другими теориями демократии; б) этических вопросах эксплуатации ИКТ в рамках политической сферы. К первым относятся совмещение в единой конструкции фундаментальных черт одновременно прямой, делиберативной и представительной демократии; подмена принципов прямой демократии принципами плебисцитарной; разнонаправленность устремлений, выражающихся в вовлечении при внутренней апатии к сфере политического. Этические противоречия: максимизация прозрачности при высокой манипулятивности; независимость решений при спорной анонимности; сокращение бюрократических процедур при учащении актов мошенничества; уменьшение числа абсентистов при сохраняющемся недоверии к системе. Также методы электронной демократии в рамках одного социума могут создавать посылки и к цифровой авторитаризации, и к усилению роли гражданского общества. Вывод: разрешение указанных противоречий может поспособствовать развитию концепции электронной демократии и практики ее применения во всем мире.

Ключевые слова: э-демократия, прямая демократия, представительная демократия, делиберативная демократия, цифровизация, э-правительство

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 05.04.2022. Статья принята к публикации: 30.07.2022.

Для цитирования:

Солина Е.А. Электронная демократия как идеологическая база цифровизации государственного управления: противоречия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2022. Т. 9. № 3. С. 274–282. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2022-9-3-274-282>

E-democracy as Ideological Basis of Public Administration Digitalization: Contradictions

Evgeniia A. Solina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198
 1032216177@rudn.ru

Abstract. The electronic form of democracy carries the potential to resolve the crisis of the systems of the modern democratic structure, but recently its concept has been increasingly criticized. In this regard, researchers are interested in identifying the causes of this trend. The author suggests that the essence of the problem of e-democracy is in its internal contradictions: a) the convergence of the concept with other theories of democracy; b) ethical issues of the ICT exploitation within the political sphere. The former includes the combination in a single construction of fundamental features of both direct, deliberative and representative democracy in a single construction; substitution of the principles of direct democracy by the principles of plebiscite democracy; multidirectional aspirations expressed in involvement with the simultaneously existing internal apathy to the political sphere. Ethical contradictions: maximizing transparency with high manipulability; independence of decisions with controversial anonymity; reducing bureaucratic procedures as fraud acts increase; reduced number of absentists with persisting distrust of the system. Also, the methods of e-democracy within one society can create premises for both digital authoritarianization and the strengthening of the role of civil society.

Keywords: e-democracy, direct democracy, representative democracy, deliberative democracy, digital technology, remote electronic voting

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 05.04.2022. The article was accepted on 30.07.2022.

For citation:

Solina E.A. E-democracy as Ideological Basis of Public Administration Digitalization: Contradictions. *RUDN Journal of Public Administration*. 2022;9(3):274–282. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2022-9-3-274-282>

С момента утверждения официальной концепции 6 мая 2008 года и начала внедрения 10 сентября 2009 года тема электронного правительства в России поднимается регулярно. На постоянной основе реализуются и проекты по его внедрению в сферу государственного и муниципального управления. Так, например, курирующий данную сферу вице-премьер Д. Чернышенко в конце марта 2022 г. объявил о создании единого пространства государственного документооборота в России (ГосЭДО). При этом идеологически электронное правительство основывается в большей степени на теории электронной демократии. Однако в последнее время наблюдается больше критики касательно ее воплощения на практике.

В таком контексте понимание сущностных причин указанной тенденции может дать толчок к разрешению кризиса современных систем демократического устройства. Предположение, выдвигаемое авторами данной статьи: суть проблемности, сложившейся вокруг реализации э-демократии и ее элементов, кроется в ее внутренних противоречиях. Во-первых, феноменологическое

соприкосновение с другими концепциями демократических систем, а во-вторых, этические вопросы эксплуатации ИКТ в рамках политической сферы.

Дескрипция электронной (виртуальной, цифровой) демократии в усредненной интерпретации может быть сформулирована следующим образом: э-демократия — это форма демократии, предполагающая использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в политических процессах, процессах управления, принятии политических решений [1]. Обоснованием ее внедрения является потенциал новейших коммуникационных технологий в реформировании существующих управленческих методик путем привнесения новых практик прямого народовластия в демократические политические системы.

В этом моменте, весьма вероятно, и обнаруживается первое противоречие. Его можно обозначить как проблемность совмещения теоретических принципов разных форм демократий в единой концепции. Если обратить внимание на существующие определения, становится заметно, что информационно-коммуникативные технологии, на которых базируется э-демократия, являются скорее методологической основой ее реализации, а идеология теоретической системы представляет собой конструкт, собранный из элементов нескольких типов демократии. Фундаментально для него значимыми можно назвать принципы представительной, прямой и делиберативной демократии.

Начать их анализ необходимо с описания исторического контекста. Как отмечают исследователи американского Института законодательства в киберпространстве Д.Р. Джонсон и Д. Пост, зарождение электронной демократии не только как мысленного эксперимента, но и практически реализуемой концепции началось в 80-х годах XX века [2]. Появление кабельного телевидения с поддержкой обратного канала, затем развитие и широкое распространение сети Интернет, а вначале нового тысячелетия переход от сети «только-для-чтения» к сети «чтение-запись» (web 2.0) — все это провоцировало мечты о цифровой Афинской агоре, идеи свободы от правительств вместе с сильным чувством индивидуального освобождения и предложения о ликвидации мощных бюрократических структур [3]. Другими словами, протекание цифровой революции именно в таком виде послужило причиной, благодаря которой принцип прямой демократии о непосредственном принятии и исполнении принятых решений самими гражданами стал одним из краеугольных камней в конструкции э-демократии.

Роль исторического контекста важна и в отношении такого элемента концепции электронной демократии, как представительные институты. Конец восьмидесятых — начало девяностых стало для большей части мирового сообщества эпохой «конца истории» и популяризации либерально-демократического политического режима, который построен во многом на основе верховенства идей представительной демократии. Распространенность этих идей, скорее всего, сыграла свою роль и в интерпретации демократичности в электронной ее версии. Институты представительного толка, прежде всего выборы, стали неотъемлемой частью глобальной картины процветающего

общества. Здесь примером может послужить активная разработка и внедрение во многих странах систем дистанционного электронного голосования, которые рассматриваются в том числе как способ широкой реализации принципа всеобщего избирательного права, необходимого для массового участия в представительной демократии [4. С. 3]. Как следствие, в теории э-демократии закрепляется институциональный признак представительной демократии: управление государством через представительные органы [5].

Помимо вышеописанных концепций электронная демократия взяла черты и у демократии делиберативной (англ. *deliberation* — обсуждение, обдумывание). Считается, что впервые данное понятие было использовано политологом Джозефом Бессетом в книге под названием «*Deliberative Democracy: The Majority Principle in Republican Government*» [6]. Однако одним из главных теоретиков данной концепции считается Ю. Хабермас, который, синтезировав либеральную и республиканскую теорию демократии, вывел в своем труде «Вовлечение другого. Очерки политической теории» усовершенствованную процедурную модель народовластия. По выражению философа, она «устанавливает внутреннюю связь между переговорами, дискурсами самосогласия и справедливости и обосновывает предположение, что при таких условиях достигаются разумные и соответственно честные результаты» [7. С. 392–393]. Согласно теории делиберативной демократии принятие общественно-значимых решений, построение повестки политического поля и разрешение дискуссионных вопросов должно основываться на сформулированном в рамках аргументированного и разумного публичного дискурса общественном мнении. Данное положение аккуратно и гармонично вписывается в те условия, которые может создать материально-техническая база э-демократии, и логично привносит в ее конструкт принципы высокой вовлеченности населения в политику и развития высокоуровневых связей между истеблишментом и гражданами [8].

Итак, проведя анализ структурных элементов теории электронной демократии, можно сделать вывод, что одно из проблемных противоречий концепции заключается в следующем: совмещение в единой политико-социальной конструкции фундаментальных черт одновременно прямой, делиберативной и представительных демократий приводит к увеличению вовлеченности индивидов в политические дискуссии при относительной неподвижности формирующих элиты институтов и одновременно к возникновению «мониторной демократии», определяемой быстрым ростом внепарламентских механизмов контроля с ослаблением центральных элементов представительской демократии. Подобное противоречие дестабилизирует систему э-демократии и стимулирует радикализацию настроений в социальных группах [9].

Следующее противоречие электронной демократии, тормозящее внедрение ее в политическую жизнь в полном объеме, можно обозначить как подмену понятий. Дело в том, что под качествами «прямой демократии», которые должна привносить в уже существующую систему демократия цифровая, в настоящее время понимаются процедуры постоянного мониторинга мнений

и интересов людей. Согласно такой точке зрения опора административным аппаратом в принятии своих решений на опросы общественного мнения, проводимые, например, на специализированных интернет-сайтах, является признаком усиления демократичности. Считается, что благодаря опросной репрезентативности выборка экстрагируется на все население. Таким образом, проиллюстрировав его структуру в миниатюре, опрос выводит реальную волю народа [10]. Однако именно тут и может крыться противоречие, ведь прямая демократия подразумевает формулирование воли не через мнение, а через дебаты, обсуждение и дальнейшее действие конкретного человека. При участии же в опросе индивид, по сути, высказывает одобрение или неодобрение позиции, сформулированной за него, то есть в таком случае отсутствует не только действительное волеизъявление, но даже отражение реальной позиции опрашиваемого. Происходит подмена принципов прямой демократии принципами плебисцитарной. В таком случае весьма условное мнение населения позволит легитимизировать проводимый курс, но при этом изолировать население от реальной политики, что не является признаком демократизации [11].

Еще одно феноменологическое противоречие можно вывести из результатов исследования позиции экспертного сообщества и народных масс по поводу практики применения техник э-демократии в Российской Федерации. В.В. Зотовым., В.М. Захаровым, и В.М. Сапрыкой для журнала «НОМОТНЕТКА» в 2021 году было проведено социологическое исследование о границах восприятия феноменов электронной демократии и электронного правительства. Результаты его показывают, что, с одной стороны, развитие системы электронной демократии приводит к увеличению количества каналов информации о принимаемых правительством решениях и ответной активизации контроля за качеством услуг, реакции и обсуждения разных аспектов политики. С другой стороны, результаты опроса демонстрируют, что «дестабилизирующими электронную демократию факторами» объявляют следующие особенности поведения акторов политики:

- 1) недостаточная активность населения;
- 2) отсутствие ответственности со стороны чиновников.

Получается, что при текущем подходе к воплощению э-демократии в реальность происходит фиксируемое дистанцирование элит. Оно выражается слабостью ответных сигналов и, как следствие, уменьшение мотивации индивидов к участию в политической деятельности. Вероятно, это отчасти является последствием существования подмены понятий, которое создает платформу для подобного дистанцирования. Следовательно, можно предположить, что концепция электронной демократии в ее актуальной для современности форме создает объективные предпосылки для сосуществования двух разнонаправленных устремлений: вовлеченность в политику при сохранении абсентеистских настроений [12].

Далее необходимо перейти к этическим противоречиям концепции электронной демократии. Антиномия такого толка вытекает уже из преимуществ и рисков цифровизации, точнее из использования цифровых технологий в по-

литической сфере, что является определяющей особенностью э-демократии как самобытной концепции. К плюсам процесса исследователи относят автоматизированный сбор, хранение и обработку информации, саморегулируемое управление производственными процессами, автономное выполнение административных функций. К минусам: сложности в обеспечении приватности и защищенности персональных данных, «капитализм слежки», риск цифрового диктата [13]. Описанные этические аспекты становятся причинами формирования следующих противоречий в реализации э-демократии на практике:

- 1) доступность каналов для партиципации и максимизация прозрачности при высокой вероятности манипуляции данными из-за технических особенностей процесса;
- 2) меньшая вероятность навязывания решения при проблеме сохранения анонимности, так как на платформах требуется авторизация;
- 3) уменьшение количества бюрократических, контролирующих процедур при высокой вероятности использования злоумышленниками персональных данных;
- 4) сокращение числа абсентеистов при сохраняющемся недоверии к системе из-за вышеуказанных проблемных зон [14].

Получается, что при осуществлении практик, характерных для электронной демократии, технологии, открывая одни возможности, подрывают другие, создавая поле для дилеммы о нравственности их внедрения.

Можно отметить, что еще одно этическое противоречие, которое логически взаимосвязано с предыдущим. Оно основывается на «зыбкости понятия демократии в цифровую эпоху» [15]. Выше отмечалось, что ИКТ являются, скорее, методом проведения преобразований, значит, формат их применения находится в зависимости от установок субъекта. В таком случае для формирования электронной демократии критически важно либо изначальное наличие демократических социальных институтов, либо намерение исполнителей цифровизации следовать принципам демократического устройства [16]. Если указанные условия не будут обеспечиваться, то возникнет риск использования диджитал-систем для сокрытия соответствующей действительности информации вместо доступа к ней, что упростит имитацию демократичности режима для внешнего мира. Институты же электронного участия благодаря таким брешам, как обязательная авторизация и внутренняя непрозрачность, теоретически служат действенным способом легитимации и для демократий, и для автократий. Соответственно ДЭГ имеет потенциал быть как способом для граждан поучаствовать в принятии решений, так и замаскированным под это стандартным опросом общественного мнения, не несущего за собой никакой реальной ответственности по воплощению запросов общества. Также использование цифровых технологий является фактором международной социализации, ведь соответствие трендам повышает инвестиционную привлекательность, к тому же использование систем электронного голосования улучшает позиции в международных рейтингах демократичности режимов [17]. Вместе с тем нельзя забывать, что цифро-

вые технологии действительно стимулируют вовлеченность граждан как в непосредственное управление государством, так и в регулирование общественных задач. Этому способствуют подвижность выбора благодаря упрощению участия и увеличения его каналов, делегирование голоса, которое позволяет опираться на экспертные мнения и прозрачность продаваемой информации [15]. Из этого следует, что цифровые технологии дают импульс для эволюции внутри политических систем черт режимов как демократических, так и авторитарных. Таким образом, новые методы политического участия и управления, которые предлагает электронная демократия, параллельно в рамках одного социума могут создавать посылки и к централизации с последующим укреплением неэффективных авторитарных методик, и к усилению роли гражданского общества.

Подводя итог анализа зон противоречий электронной демократии, можно прийти к выводу, что проблемными для нее являются внутренние нестыковки. К феноменологическим относятся трудность совмещения принципов разных типов демократий в единой концепции, подмена понятий, совмещение в сознании индивида противоречащих друг другу интенций к активности и апатичности. К этическим можно причислить спорные особенности цифровизации как таковой и сосуществование в рамках одного государства предпосылок для цифровой авторитаризации на базе методов, стимулирующих гражданскую активность. Разрешение указанных противоречий может поспособствовать развитию концепции электронной демократии и практики ее применения во всем мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Macintosh A.* Characterizing E-Participation in Policy-Making // Proceedings of the 37th Annual Hawaii International Conference on System Sciences. 5–8 Jan. 2004. Big Island, Hawaii. 2004. P. 1–10.
2. *Johnson D., Post D.* Law and Borders — The Rise of Law in Cyberspace // First. 1996. Vol. 1. № 1. <https://doi.org/10.5210/fm.v1i1.468>
3. *Berg S., Hofman J.* Digital Democracy // Internet Policy Review. 2021. № 10(4). P. 2–23.
4. *Froomkin M.* Democracy Online: The Prospects for Political Renewal Through the Internet. Cambridge, MA, USA: In Peter M. Shane (Ed.), 2004. 300 p.
5. *Климова М.И.* Роль современных электронных технологий в укреплении представительной демократии // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 3(38). С. 13–16.
6. *Bessette J.* Deliberative Democracy: The Majority Principle in Republican Government // How Democratic is the Constitution? 1980. P. 102–116.
7. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 417 с.
8. *Самарин Я.В.* Демократия в условиях сетевого общества: проблемы и перспективы // ПОЛИТЭКС. 2020. Т. 16. № 2. С. 251–262.
9. *Кин Дж.* Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 312 с.
10. *Юдин Г.Б.* Теория и технология перманентного референдума. Рецензия на книгу: Гэллап Дж., Рэй С. Ф. Пульс демократии. Как работают опросы общественного мнения. М.: ВЦИОМ, 2017 // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 344–354.

11. Юдин Г.Б. Россия как плебисцитарная демократия // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 2. С. 9–47.
12. Zotov V.V., Zakharov V.M., Sapryka V.M. Цифровизация публичного управления: электронная демократия vs электронное правительство // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2021. № 46(3). С. 250–262.
13. Tkacheva K.A., Shepeleva O.S. Аналитический доклад для Центра подготовки руководителей и команд цифровой трансформации (РАНХиГС): «Этика и цифра: этические проблемы цифровых технологий». URL: <https://ethics.cdto.center/>. Дата обращения: 04.04.2022.
14. Алексеев Р.А., Абрамов А.В. Проблемы и перспективы применения электронного голосования и технологии избирательного блокчейна в России и за рубежом // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2020. № 1(15). С. 9–21.
15. Власова О.Ю. Цифровой авторитаризм и электронная демократия: содержание и границы // *Studia Humanitatis*. 2020. № 3. <https://doi.org/10.24411/2308-8079-2020-00012>
16. Boulianne S. Revolution in the Making? Social Media Effects Across the Globe // *Information, Communication & Society*. 2019. Vol. 22. № 1. P. 39–54.
17. Кабанов Ю.А. Электронный авторитаризм. Институт электронного участия в недемократических странах // *Полития*. 2016. № 4. С. 36–55.

REFERENCES

1. Macintosh A. Characterizing E-Participation in Policy-Making. *Proceedings of the 37th Annual Hawaii International Conference on System Sciences*. 5–8 Jan. 2004. Big Island, Hawaii; 2004;1–10.
2. Johnson D., Post D. Law and Borders — The Rise of Law in Cyberspace. *First Monday: Peer-reviewed Journal on the Internet*. 1996; 1.1. <https://doi.org/10.5210/fm.v1i1.468>
3. Berg S., Hofman J. Digital Democracy. *Internet Policy Review*. 2021;10(4):2–23.
4. Froomkin M. Democracy Online: The Prospects for Political Renewal Through the Internet. Cambridge, MA, USA: *In Peter M. Shane (Ed.)*; 2004; 300.
5. Klimova M.I. Rol' sovremennykh jelektronnykh tehnologij v ukreplenii predstavitel'noj demokratii [The Role of Modern Electronic Technology in Strengthening Representative Democracy]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii*. 2016;3(38):13–16 (In Russ.).
6. Bessette J. Deliberative Democracy: The Majority Principle in Republican Government. *How Democratic Is the Constitution?* 1980;102–116.
7. Habermas J. *Vovlecheniye drugogo. Oчерki politicheskoy teorii* [Involvement of Another. Essays on Political Theory]. Saint Petersburg: Nauka; 2001. 417 p. (In Russ.).
8. Samarin Ya.V. Demokratija v uslovijah setevogo obshhestva: problemy i perspektivy [The Democracy in a Network Society: Problems and Prospects of Development]. *Political Expertise: POLITEX*. 2020;16(2):251–262 (In Russ.).
9. Keane Jh. *Demokratiya i dekadans media* [Democracy and Media Decadence]. Moscow: HSE Publishing House; 2015. 312 p. (In Russ.).
10. Yudin G.B. Quality of Youth Employment in Russia: Analysis of job Satisfaction Estimates. A Book Review on “The Pulse of Democracy: The Public Opinion Poll and How It Works” by G. Gallup, S.F. Rae. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018;3:344–354 (In Russ.).
11. Yudin G.B. Rossiya kak plebiscitarnaja demokratija [Russia as a Plebiscitary Democracy]. *Russian Sociological Review*. 2021;20(2):9–47 (In Russ.).
12. Zotov V.V., Zakharov V.M., Sapryka V.A. Cifrovizacija publicnogo upravlenija: jelektronnaja demokratija vs jelektronnoe pravitel'stvo [Digitalization of Public Administration: E-democracy vs E-government]. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*. 2021;46(2):250–262 (In Russ.).
13. Tkacheva K.A., Shepeleva O.S. *Analiticheskij doklad dlya Tsentra podgotovki rukovoditeley I komand tsifrovoy transformatsii: “Etika I tsifra: eticheskiye problemy tsifrovyykh tehnologiy* [Ethics and Digital: Ethical Issues of Digital Technologies. Analytical Report for The Education Center for Digital Transformation Teams and CDTOs (RANEPА)]. URL: <https://ethics.cdto.center/>. Accessed: 04.04.2022 (In Russ.).

14. Alekseev R.A., Abramov A.V. Problemy i perspektivy primeneniya jelektronnogo golosovaniya i tehnologii izbiratel'nogo blokchejna v Rossii i za rubezhom [Problems and Prospects of Using Electronic Voting and Blockchain Technology in Elections in Russia and Abroad]. *Citizen. Elections. Power*. 2020;1(15):9–21 (In Russ.).
15. Vlasova O.Yu. Cifrovoy avtoritarizm i jelektronnaja demokratija: sodержanie i granicy [Digitalized Authoritarianism and E-democracy: Content and Limitations of Concepts]. *Studia Humanitatis*. 2020; 3 (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2308-8079-2020-00012>
16. Boulianne S. Revolution in the Making? Social Media Effects Across the Globe. *Information, Communication & Society*. 2019;22(1):39–54.
17. Vlasov Yu.A. Elektronnyi avtoritarizm. Institut e-uchastiya v nedemocraticeskikh stranah [Electronic Authoritarianism. Institute of E-participation in Non-democratic Countries]. *Politeia*. 2016;4:36–55 (In Russ.).

Информация об авторе:

Солина Евгения Андреевна — магистрант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-2171-6230) (e-mail: 1032216177@rudn.ru).

Information about the author:

Evgeniia A. Solina — MSc of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-2171-6230) (e-mail: 1032216177@rudn.ru).